

Некоторые книги, которые я нашел полезными во время работы над «Игрой престолов» и ее сиквелами, заслуживают особого упоминания...

Это «Жизнь в средневековом замке»
и «Жизнь в средневековом городе» Джозефа и Фрэнсис Гис.

Джордж Р. Р. Мартин

ДЖОЗЕФ ГИС и ФРЭНСИС ГИС

ЖИЗНЬ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ

Издательство Колибри

Джозеф Гис

Жизнь в средневековом городе

«Азбука-Аттикус»

1969

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Гис Д.

Жизнь в средневековом городе / Д. Гис — «Азбука-Аттикус»,
1969

ISBN 978-5-389-21927-4

«Жизнь в средневековом городе» — классический бестселлер от известных историков Фрэнсис и Джозефа Гис, в котором мир эпохи Средневековья представлен на примере повседневной жизни французского города Труа, исторического центра Шампани. 1250 год. Это время — пик расцвета средневековой цивилизации, когда бывшие римские форты, такие как Труа, окрепнув в многовековой обороне против безжалостных захватчиков и развивая экономик}', превратились в центры пересечения оживленных торговых путей, богатейшие европейские города, которым еще только предстояло столкнуться с опустошительным дыханием жестоких войн следующих столетий и эпидемии Черной смерти. Авторы реконструируют уклад жизни богатой и бедной семьи, домохозяйки и ее прислуги, торговца и ремесленника, врача и школяра, попутно рассказывая о давно канувших в забвение обычаях и традициях того периода. Наблюдая, как протекает жизнь в средневековом городе, где, кажется к последней странице, и сам будто прожил не один год, — открываешь окно в удивительный, сложно устроенный и красочный мир, который даже с точки зрения всех достижений XXI века никак не назвать «отсталым Средневековьем». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-389-21927-4

© Гис Д., 1969

© Азбука-Аттикус, 1969

Содержание

Благодарность	8
Пролог	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джозеф Гис. Фрэнсис Гис Жизнь в средневековом городе

*Джейн Стурман Гис и
Фрэнсису Гибсону Карни*

*Знать не будем, что значит преклонная старость!
Не лучшие ль,
Ведая цену годам, счета годам не вести!*

Авсоний. К своей жене. Перев. Валерия Брюсова

Joseph Gies and Frances Gies
LIFE IN A MEDIEVAL CITY
Copyright © 1969 by Joseph Gies and Frances Gies
Published by arrangement with Harper Perennial,
an imprint of HarperCollins Publishers
All rights reserved

Перевод с английского Анны Щениковой-Архаровой (Пролог, главы I–VI) и Ольги Гавриковой
(главы VII–XVI, После 1250 года, Генеалогическое древо графов Шампани)

Карты выполнены Вадимом Пожидаевым-мл.
Подбор иллюстраций Екатерины Мишиной

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© О. В. Гаврикова, перевод, 2022

© А. В. Щеникова-Архарова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство КоЛибри®

Благодарность

Будучи историками-любителями, авторы выражают признательность четырем профессиональным историкам за бесценные критику и помощь: доктору Сильвии Л. Трапп; Элис Фримен Палмер, профессору истории Мичиганского университета; доктору Джону Ф. Бентону, профессору истории Калифорнийского технологического института; доктору Дж. Ли Шнейдману, доценту истории в Университете Адельфи, и доктору Питеру Ризенбергу, профессору истории Университета Вашингтона в Сент-Луисе. Особенно многим авторы обязаны Джону Бентону, ведущему исследователю истории средневековой Шампани, который дал множество ценных подсказок, предоставил доступ к редкому материалу, а также прочел рукопись даже не единожды, но дважды.

Большая часть исследований производилась в двух крупнейших библиотеках: Библиотеке Стерлинга Йельского университета и Библиотеке Ньюберри в Чикаго.

Особую благодарность авторы приносят четырем людям, которые помогли «оживить» конструкции готического собора: здесь имеются в виду Роуэн и Ирен Ле Конт, художники-витражисты, создавшие оконные композиции для Вашингтонского собора, а также Р. Т. Феллер и Джон Фанфани, руководитель и помощник руководителя строительных работ в Вашингтонском соборе.

И наконец, упоминания здесь достоин каждый из многочисленных французских граждан, чья помощь способствовала нашим исследованиям во Франции.

Пролог

Западноевропейские города, в наше время столь устремленные в будущее, были рождены в Средневековье. К 1250 году они уже существовали и даже процветали не только на древних средиземноморских берегах, но и в Северо-Западной Европе. Последующее повествование является попыткой изобразить, как протекала жизнь в середине XIII века в одном из обретающих новую жизнь древних городов – в Труа, столице богатой исторической области Шампань, епископской резиденции и, прежде всего, месте проведения двух из знаменитых Шампанских ярмарок.

В давние времена, когда войска Юлия Цезаря располагались лагерем в Галлии и стояли биваком в Британии, немногие поселения в Северо-Западной Европе достойны были назваться городом. Упоминанию Лютеции (Парижа) нашлось место в «Записках» Цезаря, где описана ее гибель в огне. Но по большей части политический склад здесь был слишком неразвит, торговля незначительна, а религия примитивна, чтобы способствовать возникновению на этих землях поселений значительнее деревни. Обширные территории оставались неосвоенными.

Римские легионы строили дороги, создавали рынок сбыта сельскохозяйственной продукции для местного населения и привлекали торговцев в своих укрепленных лагерях. Одним из таких мест была небольшая деревушка, расположенная в месте слияния Сены и значимого военного пути – Агриппиевой дороги. Марк Аврелий возвел здесь башню, а последовавшие за ним императоры, в частности Аврелиан, нашли применение в качестве базы для войск. Подобно другим городкам, имевшим в основе военный лагерь, Трикасы постепенно обрели облик мирного поселения: солдаты гарнизона создавали семьи и заводили детей с местными девушками и оседали здесь после увольнения, обрабатывая земли за пределами лагеря или выполняя ремесленные работы в его стенах. Развиваясь из армейской базы в административный центр, городок обзаводился высокими каменными стенами и привлекал новых жителей: сборщиков налогов, чиновников, поставщиков армейского снаряжения, искусных мастеров и чернорабочих, в том числе военнопленных, пригнанных из глухих германских и фрисландских земель. В те годы Труа едва ли мог бы соперничать не только с блестящими городами Южной Европы, но даже с Парижем, который уже к III веку мог похвастать тремя банями, ареной для театральных постановок и стадионом для конных бегов. В Труа, вероятнее всего, одни бани все же были, и в этом смысле он не отличался степенью благоустроенности от других северных городков.

Христианская церковь обеспечила мощный импульс для развития многих подобных городков на задворках северных территорий, несмотря на то что первые проповедники далеко не всегда с восторгом были приняты местным языческим населением и религиозными вождями. Те правители Труа, кто твердо держался веры отцов, – как и везде, таковых случалось немало – произвели целый ряд христианских мучеников. Но с тех пор, как церкви довелось причислить к своим сынам императора Константина, христианству был открыт путь и здесь. В IV и V веках епископства возникают во всех концах географической карты. Традиционным местом расположения епископской резиденции стал римский административный центр, выросший на месте бывшего лагеря легионеров. Новый церковный истеблишмент не мог обходиться без услуг и продукции местных крестьян и ремесленников. Для обозначения этих епископских городов возникло новое слово – *cite (city)*, производное от латинского слова *civitas*, которым было принято называть обнесенное стенами поселение.

По мере того как Римская империя теряла уверенность, слабела власть и римских наместников, чем не медлили воспользоваться христианские епископы. К середине V века престиж имени епископа Труа был настолько высок, что, когда в окрестностях появились гунны, именно у него искали защиты все жители.

Лишь недавно город подвергся нападению вандалов; гунны же Аттилы имели репутацию еще менее дружелюбного народа. Епископ Лупус послал священника и семь служек умиливать врага, однако по несчастливому стечению обстоятельств эта миссия потерпела поражение. Напуганная белыми одеяниями служек, лошадь Аттилы вздыбилась. Предводитель гуннов, сочтя, что перед ним колдуны, убил делегатов на месте. Лишь одному молодому службе удалось спастись и передать эту историю.

Затем Аттила отбыл сражаться с римлянами, готами, бургундцами и франками, которые при его приближении немедленно прекращали воевать друг с другом, чтобы встретить нового врага. Получив отпор, Аттила со своим слегка потрепанным войском отправился на восток, и Труа вновь лежал у него на пути. Жители города вновь в ужасе обратили взор к епископу Лупусу. На сей раз Лупус отправился к гуннам самолично и внезапно добился успеха. Аттила пощадил Труа и, доведя епископа с собой до Рейна, с почестями отправил его домой. Вопреки проявленной дипломатической ловкости изначально Лупус был ославлен коллаборационистом и изгнан, но затем, по здравом размышлении, восстановлен в должности и канонизирован под именем святого Лупа.

К концу V века в Западной Римской империи воцарился хаос. Практически все города, старые и новые, большие и маленькие, с катастрофической неизбежностью приходили в упадок. Люди разбирали общественные постройки на камни и кирпичи, пуская их на ремонт собственных домов и укрепляя стены, осаждаемые ордами незваных чужаков. Торговля, уже давно стихшая по причине затяжного сельскохозяйственного кризиса, практически сошла на нет с бесконечным потоком мигрантов и захватчиков с севера и востока. Рост городков, подобных Труа, прекратился, и они остались в неопределенном положении наполовину военных, наполовину сельских поселений. Помимо суровых церковных построек – епископского дворца, базилики-собора, аббатства и пары небольших монастырей, – за стенами Труа укрывались от внешнего мира лишь несколько десятков невзрачных лачуг. Большая часть из занимаемых городом 16 гектаров была отдана под виноградники, огороды и пастбища.

И все же мародерствующие варвары оказались кое в чем полезны здешним городкам. Разграбив римские провинции, воинственные племена строили здесь собственные крепости для контроля земель, и их лагеря затем обычно вырастали в мини-столицы. Реймс, расположенный к северу от Труа, стал столицей франков, а Труа – вторым по значимости франкским городом Шампани. Предводитель франков Кловис (едва ли менее брутальный тип, чем Аттила) был побежден святым Реми, епископом Реймса, еще более эффектно, чем Аттила – святым Луном из Труа. Когда святой Реми, призвав все свое красноречие, поведал Кловису историю мученичества Христа, Кловис воскликнул: «Вот бы мне оказаться там во главе моих доблестных франков!» – и принял крещение. Доблестные франки все до единого последовали примеру своего вождя.

В VI и VII веках церковь предоставила новый градообразующий источник – бенедиктинские монастыри. Новая институция быстро распространяла свое влияние, и где бы ни возникали ее общины – в городах или в чистом поле, они немедленно притягивали ремесленников, крестьян, поставляющих сельскохозяйственную продукцию, и торговцев. Так в баварских лесах возник «монашеский город» – Мюнхен. Во Фландрии бенедиктинское аббатство, выросшее в том месте, где становится судоходной река Аа, стало ядром будущего промышленного города Сен-Омер.

Для многих древних римских городов на средиземноморском побережье раннее Средневековье оказалось периодом в коммерческом смысле не менее успешным, чем времена Империи. Марсель, Тулон, Арль, Авиньон и другие прованские порты продолжали активно торговать с Восточным Средиземноморьем. Оттуда поступали папирус и специи, для которых создавали рынок сбыта бенедиктинские монастыри. Обратным рейсом прованские корабли часто везли рабов.

Положение дел изменилось к концу VII века. Внушающие тревогу военные успехи последователей Мухаммеда на Ближнем Востоке и в Северной Африке сопровождались изрядным расстройством налаженного порядка средиземноморской торговли. Современные ученые внесли поправки в тезис Анри Пиренна о том, что деятельность Мухаммеда стала причиной наступления Средневековья, отметив значимость и иных влияний. Но факт остается фактом: когда корабли мусульман появились в Западном и Центральном Средиземноморье, набеги и разграбления стали частым явлением и всем старинным римско-христианским торговым городам пришлось позаботиться о своей защите. Генуя, некогда оживленный порт, пришла в упадок и превратилась в рыбацкую деревушку. По берегам Северной Африки процветали новые города, над которыми развевалось знамя пророка: Каир, Махдия, Тунис. В древних греческих и римских портах под властью завоевателей закипела новая жизнь. В гавани Александрии, чей знаменитый маяк уже тысячу лет числился среди чудес света, верфи строили суда для новых хозяев – мусульман, их торговых дел и пиратского промысла, плоды которых сделали рынки Александрии крупнейшими в Средиземноморье. Лишь один христианский, но не вполне европейский порт мог бы называться даже более процветающим: Константинополь, столица Восточной Римской империи, стратегически расположенный на пересечении главных торговых путей с Востока, Запада, Севера и Юга. Но, за исключением окрестностей греческого Константинополя, морские пути практически были под властью мусульманских торговцев и рейдеров. В VIII веке их победное шествие достигло Испании и Балеарских островов и даже одного из уголков Прованса, откуда было чрезвычайно удобно совершать набеги на все древние города долины Роны. Один из отрядов, углубившись на север, напал и на Труа.

Нападения захватчиков и мародеров были для жителей городов времен раннего Средневековья привычной бедой. Не только всевозможные иноверцы, но и сеньоры-христиане и даже епископы вносили свою лепту в эту печальную традицию: Труа, к примеру, был разграблен епископом Осерским. Но абсолютными чемпионами среди тех, кто угрожал спокойствию жителей, стали появившиеся здесь в конце IX века викинги. К тому времени, когда эти отчаянные рыжебородые головорезы дошли из дальних северных земель до Труа, большинство европейских городов, включая Париж, Лондон, Утрехт, Руан, Бордо, Севилью, Норк, Ноттингем, Орлеан, Тур, Пуатье, не избежали печальной участи испытать на себе их мощь; полный же список практически идентичен перечню географических пунктов Западной Европы того времени. Предводителем вторжения в Шампань был местный «джентльмен удачи» по имени Гастинг, прославившийся своей несравненной силой. В то время как некоторые викинги не упустили возможности осесть на юге Европы, Гастинг, напротив, отправился в Скандинавию, откуда, в духе подлинно норманнского образа жизни, стал водить своих «приемных» соплеменников в разорительные набеги на Нормандию, Пикардию, Шампань и в долину Луары.

Труа был разграблен дважды, а возможно, и трижды. Здесь, как и повсюду, непрекращающаяся агрессия породила сопротивление. Епископ Ансегиз, в духе короля Альфреда Великого и графа Одо¹, собрал войско из местных рыцарей и крестьян, объединил силы с другими епископами и сеньорами и отважно сражался в решающей битве, наголову разбив викингов. Ренегат Гастинг, как раз заполучивший себе во владение славное поместье, купил примирение, уступив Шартр одной из вражеских коалиций под предводительством графа Вермандуа¹, основавшего впоследствии на камне сём могущественную династию.

Как ни парадоксально, нашествия викингов иногда, напротив, способствовали развитию городов. Нередко их добыча значительно превышала возможность доставить ее домой, и они распродавали излишки на месте. Таким образом, города, достаточно укрепленные,

¹ Альфред Великий (ок. 849–899) – легендарный король Англии, объединивший англосаксонские королевства и успешно сражавшийся с норманнами. Граф Одо (ок. 858–898) – за блестящие успехи в сражениях с норманнами был провозглашен королем Франции. – Примеч. ред.

чтобы выстоять против их атаки, имели возможность нажиться на несчастной участи своих хуже укрепленных соседей. Викинги даже закладывали новые поселения, основывая торговые лагеря там, где выдалась особенно богатая добыча. Из такого лагеря вырос Дублин, а Иорк, выбранный викингами в качестве штаба, получил стимул для развития (хотя в то время его коренные обитатели вряд ли оценили оказанную честь и открывающиеся перспективы).

Впрочем, эти скромные выгоды не отменяют того факта, что в целом IX век стал подлинным периодом упадка в истории существования городов. Помимо викингов, по-прежнему не дремали и мусульмане, в 846 году дочиста разграбившие, например, сокровища базилики Святого Петра, находившейся за стенами Рима. Ближе к концу этого века бедствий еще и венгры – получившие свое имя за сходство наружности и манер с незабвенными гуннами² – яростным смерчем прокатились по территориям Германии, Северной Италии и Восточной Франции.

После того как попытки уберечь себя от жестокости завоевателей, прячась, торгуясь и сражаясь, привели к огромным человеческим и материальным потерям, Европа наконец нащупала действенный метод против внешней агрессии: строительство стен. Существующие на тот момент города выстроили стены и нашли источник дохода, предоставляя нуждающимся укрытие в своих границах. Сеньоры, владеющие поместьями в отдалении от городов, окружили каменной твердыней свои суровые замки, приумножив славу рода. Стены выросли вокруг монастырей. Иногда за крепкий оплот, выстроенный для защиты замка и монастыря, переселялись в надежде также получить защиту медники, кузнецы, охотники, бродячие торговцы, – таким образом, внутри стен почти стихийно формировалось ядро будущего города.

Несколько поселений даже успели возвести защиту до того, как были атакованы. Так, жители Сен-Омера весьма дальновидно вырыли широкий и глубокий ров, заполнив его водой, а из извлеченной земли насыпали огромный вал, утыканный поверху острыми кольями. За валом расположилось внутреннее кольцо более мощных укреплений. Благодаря этому в 891 году поселению удалось отразить нападение викингов, на повторную атаку уже не осмелившихся. Воодушевленные успехом граждане Сен-Омера решились превратить свою монастырскую деревушку в настоящий город с тремя главными улицами. Похожая история случилась и с другими городками в этом низинном, уязвимом уголке Европы. Аррас, Гент, Брюгге, Лилль, Турнэ, Куртре – все они начали появляться из неизвестности именно в то время. Многие пошли значительно дальше простой защиты от рейдеров. Некоторые города, в числе которых особенно заслуживает внимания Ипр, росли и развивались сами по себе, без покровительства феодала, епископа или защиты форта. Им просто повезло с расположением, замечательно подходящим для производства шерстяных тканей.

Новые стены, повсеместно возводившиеся в X веке из подручных материалов, практически все являли собой вариации земляных конструкций с кольями, подобные выстроенным гражданами Сен-Омера. Такие укрепления, даже с достаточным гарнизоном, были эффективны только против врагов, вооруженных лишь ручным метательным оружием, вроде викингов. Каменные стены старинных римских городов, таких как Труа, без должного попечения обветшали, из-за чего их жителям пришлось хлебнуть горя в яростном IX веке. К середине X столетия, однако, Труа сумел восстановить стены, которым довелось на славу послужить городу – уже не против викингов, но против прежнего защитника епископа Ансегиза. Победив своего соперника графа Вермандуа, Ансегиз во главе саксонской армии Оттона Великого осаждал Труа до тех пор, пока другой доблестный прелат, архиепископ Санский, не освободил город. Оттон заступился за Ансегиза, который вновь занял престол в его епархии, где и прожил до самой своей смерти десять лет спустя, не претендуя больше на роль епископа Труа и оставив

² Происхождение слова «Hungarians» (англ.) — «венгры» от названия племени гуннов – лишь одна из версий. – Здесь и далее примеч. перев.

амбиции подчинить себе светское владычество. Спустя шестьсот лет наследования римским правителям епископы оказались оттеснены от власти.

На германских диалектах, постепенно эволюционирующих в новые языки, такие вновь укрепленные города обычно называли словом «бург» или «бурх» (отсюда позднейшее англоязычное «боро»)³. Жители «бурга» назывались «бюргерами», «буржуа» или иными производными от слова «город»⁴. К середине X века городки-крепости усеяли карту Западной и Северной Европы до укрепленного епископства Гамбурга в устье Эльбы и Данцига в устье Вислы. Всем им было далеко до оживленных и процветающих центров ислама – Багдада, Нишапура, Александрии, Гранады, Кордовы, – где поэты и архитекторы творили под покровительством богатых купцов. Европейские города представляли собой беспорядочное скопление хлевов и свинарников, лачуг жителей и мастерских ремесленников, жмущихся к церкви, замку или епископскому дворцу. Но их постепенный рост не вызывал сомнений. К X веку между ветшающими римскими виллами за стенами Труа уже виднелись новые аббатства и дома.

Это было определенно новое начало, в Италии же более чем начало. Те города, что в римское время еще не существовали или были незначительны, внезапно расцветали буквально ниоткуда. Как Венеция, возникшая на илистых равнинах Адидже, на клочке земли, обнимаемом Адриатикой; как Амальфи, к югу от Неаполя, материализовавшийся между утесами Сорренто и морем. Группа мигрантов по прозвищу лангобарды, грубостью манер не уступающая ни франкам, ни гуннам, взяла под контроль территории в самом сердце Италии. Поскольку лангобарды были совершенно не сведущи в мореходстве, наиболее безопасной территорией для торговцев стал укромный участок береговой линии, легкодоступный с моря и труднодоступный с земли. К концу X века появление венецианских и амальфийских парусников в константинопольском заливе Золотой Рог стало обычным делом. И несмотря на то, что торговые сношения непосредственно с мусульманами, мягко говоря, не слишком поощрялись, не говоря уже о том, что были чреваты опасностями, множество купцов из Венеции и Амальфи готовы были рискнуть.

Два значительных достижения, ставшие результатом длительных процессов в X–XI веках, послужили стимулом к росту городов. Первым из них была аграрная расчистка значительных территорий, в первую очередь усилиями новых клюнийских и цистерцианских монастырей. За расчисткой земель под пашни последовали многочисленные усовершенствования сельскохозяйственных технологий, которые в совокупности можно назвать не иначе как революционными. Широкое применение получил тяжелый колесный плуг, которому под силу было врываться в плодородную почву низинных равнин Северной Европы. Изначально в качестве тягловой силы использовали быков, специально выдрессированных идти медленно, но после того, как в упряжь добавился подбитый изнутри мягким материалом, но жесткий сам по себе хомут, в плуг стало возможно запрягать более маневренных лошадей. Это новшество, в свою очередь, было связано с появлением овса и бобовых, повлиявших на состав сельскохозяйственных культур и систему их чередования на полях, в результате чего более продуктивная трехпольная система земледелия сменила древний римский двухпольный метод⁵.

Новые города играли значительную роль в сельскохозяйственной революции. Мастерские при поместье лендлорда, прежде снабжавшие селян орудиями труда, сменились более эффективными кузнечными производствами в городах. В распоряжении крестьян на северо-западе Европы были острые железные серпы и косы, а землю они вспахивали плугами, осна-

³ Соответственно «bourg» (фр.), «burgs» (нем.), «boroughs» (англ.). Слово «borough» – боро, изначально обозначавшее укрепленный город, в современном английском языке означает административно-территориальную единицу внутри города.

⁴ «Bourgeois» (фр.), «burghers» (нем.), «burgesses» (англ.) – горожане.

⁵ Двухпольная система земледелия, известная с Античности, предполагала попеременную обработку двух полей, когда одно было засеяно, а другое оставалось «под паром» (т. е. распаханное, но незасеянное), – чтобы предотвратить обеднение почвы. В следующем году засеивалось другое поле. При трехполье два из полей засеивались, а одно оставалось «под паром».

ценными острыми железными лемехом и сошником, – роскошь, которая не снилась и самым состоятельным римским земледельцам. Увеличение количества продовольствия было одновременно и причиной, и следствием явственного роста населения.

Второй по значимости причиной развития городов стало возникновение средневековой горнодобычи. Опыт в этой области частично был почерпнут у древних римлян и греков, но, когда в горах Саксонии нашли серебро, старинные технологии потребовалось сильно усовершенствовать и изменять под новые цели. Саксонские рудокопы принесли свое ноу-хау в другие земли, добывая железо в Карпатах и на Балканском полуострове, они же научили корнуолльцев, как добыть из недр их местное олово. В особом изобилии саксонское серебро потекло в Милан, уже разросшийся за пределы древних стен, возведенных императором Максимилианом. К X веку красой и гордостью Милана были сто башен. Первоначальной причиной процветания города стали исключительно плодородные окрестные территории и удачное расположение на пересечении дорог и рек, но на протяжении X и XI веков Милан упрочил свое благосостояние, утвердившись в роли ремесленной столицы Европы. Миланские кузнецы и оружейники снабжали мечами, шлемами и кольчужным доспехом рыцарей Италии, Германии, Прованса и даже более отдаленных земель – откуда взамен получали до двадцати тысяч серебряных пенни в год.

Более развитое сельское хозяйство, рост богатства повлекли бум предпринимательской деятельности не только в Италии, но и за ее пределами. Во Фландрии Гент также вырвался за границы древних стен старого «бурха», окружавших всего каких-то двадцать пять акров земли. За счет Портуса – порта, квартала ткачей и торговцев сукном – площадь города увеличилась более чем втрое.

Часто рост города порождал его особое взаимодействие с окружающими сельскими землями. В регионах, где процветали специфические формы сельского хозяйства, вроде виноделия, города брали на себя роль сбытчика местного продукта, одновременно обеспечивая снабжение импортными товарами. В то же время города XII века по-прежнему выполняли старинные функции поместья лендлорда. В Труа между 1157 и 1191 годом были построены одиннадцать мельниц. Колеса, вращаемые течением городских рек, стали снабжать энергией не только мукомольные мельницы, но и масляные прессы, и кузнечные молоты, и кузницы, производившие железные сельскохозяйственные орудия.

Внутри городских стен было уже не встретить обширных виноградников, фруктовых садов и огородов – города утрачивали свой деревенский вид. Богатые торговцы возводили для себя большие дома. Лавки предметов роскоши, золотых и серебряных дел мастеров тут и там возникали по соседству с мастерскими обычных ремесленников. Из-за оживленного уличного движения с использованием лошадей и ослов узкие улицы были настолько же перепачканы нечистотами, насколько запружены транспортом. Чем теснее жались друг к другу дома и лавки, тем выше была угроза пожара. Опасность любого пожара усугублял недостаток воды: во многих городах длинная очередь к колодцу из слуг и хозяек с ведрами и кувшинами была обычным зрелищем. К концу XII века все типичные проблемы урбанизации сполна испытали на себе даже города Фландрии, не говоря уже о Кёльне и Гамбурге, Лондоне и Париже, городах Прованса, в числе которых – Труа.

Последние стали подмостками для поистине судьбоносного нововведения. В римские времена ярмарки было принято проводить в строго определенные даты или сезон. В последующие века, даже в те непростые периоды, когда торговля еле теплилась, старинная традиция была жива; собственно, именно в эти периоды торговцам и покупателям особенно важно было знать точные время и место проведения ярмарки – просто чтобы иметь возможность гарантированно встретиться друг с другом.

Купцам требовалось встречаться и с другими купцами. Это не было особенной проблемой в период раннего Средневековья, но, когда западноевропейские изготовители шерстя-

ных тканей через итальянские города начали поставлять свой товар в Средиземноморье, а им навстречу из Средиземноморья тем же путем в Западную Европу потекли предметы роскоши, возникла острая необходимость в оптовом рынке. Караваны венецианских и генуэзских купцов преодолевали Альпы, чтобы распродать во Фландрии груз специй и увезти обратно местные шерстяные ткани. Во второй половине XI века фламандские купцы начали встречать итальянские караваны в пути, однако не на половине пути, что предполагало бы рандеву в Бургундии, а в Шампани – ближе к Фландрии, нежели к Италии. Причиной этого были, по-видимому, некие политические соображения.

После неудачной попытки опального епископа Ансегиза захватить власть Труа оказался в руках графов Вермандуа, прямая ветвь рода которых пресеклась в XI веке. Тогда Труа завладел воинственным кузен граф Эд, который по этому поводу объявил себя графом Шампани и готов был бросить вызов любому, кто осмелился бы возразить. Когда графа Эда настигла кончина, она оказалась достойной его бурной биографии: он погиб от меча или, возможно, боевого топора, и вдове пришлось опознавать тело по родимому пятну. Два сына Эда поделили отцовскую вотчину и развязали войну с королем Франции, в результате которой один из сыновей погиб, а второй, Тибо Мошенник, под благовидным предлогом лишил племянника его доли наследства.

Но свершения Тибо этим не ограничились. Он учредил и дал стимул к проведению ярмарок, которые привлекли в Труа и в некоторые другие города под его властью иностранных торговцев. Его сыновья Гуго де Труа и Этьен, равно как и его внук Тибо II, продолжали покровительствовать ярмаркам. В XII веке рынок переживал подъем, и шампанские ярмарки превратились в круглогодичный товарный рынок и пункт обмена валюты для всей Западной Европы. Ярмарки настолько процветали, что Тибо обрел репутацию гостеприимца и благотворителя, а также прозвище «Великий». Восторженный хроникер превозносит его в таких выражениях: «Отец сиротам, заступник вдовиц, очи для слепца, ноги для хромца». Еще более, чем его благотворительность, уважение современников вызывало его богатство, истоки которого нетрудно проследить. Сохранившееся до наших дней письмо, писанное Тибо, подтверждает, насколько важное значение он придавал ярмаркам. Неотесанный молодой барон, чей отец был вассалом короля Франции, напал на группу менял из Везле, направлявшихся в Шампань. Тибо обратился к Сугерию, министру Людовика VII, с яростным протестом: «Не должно сойти безнаказанным столь тяжкое оскорбление, ибо грозит оно не менее чем запустением моих ярмарок».

Вердикт, вынесенный по поводу этого несчастного прецедента, оказался поистине примечателен: отныне все купцы, следовавшие по дорогам королевских земель на шампанские ярмарки и обратно, находились под личной защитой французского монарха.

Однако отношения графа Тибо с королем далеко не всегда были столь душевными. Отсутствие взаимопонимания с Людовиком VII даже привело в Шампань королевскую армию. Сельские территории пострадали от вторжения, но сам Труа закрыл ворота, и горожане под защитой его содержащихся в прекрасном состоянии древних стен дождались, пока Бернارد Клервоский не преуспел в мирных переговорах.

Стены Труа, хоть и сохранились неплохо, уже не соответствовали потребностям в защите растущего города. К середине XII века необходимость соорудить оборонительные укрепления вокруг новых районов стала насущной. Поселения разрастались вокруг двух больших аббатств на востоке и на юге, но основными направлениями роста города были запад и юго-запад, где располагались соответственно кварталы вокруг новых церквей Святого Реми и Святого Жана, в честь которых были названы и две ежегодные здешние ярмарки. Этот обширный округ, вдвое превышавший размерами старый *cité*, практически пустовал на протяжении полугода, зато с июля по август (когда проходила ярмарка «Святого Жана») и с ноября по декабрь (время про-

ведения ярмарки «Святого Реми») заполнялся людьми, повозками, животными и всевозможным товаром.

За исключением этих сезонных колебаний численности населения, Труа XII века был во всем подобен десяткам других растущих городов Западной Европы. Все они были обнесены могучими стенами. В каждом можно было встретить аббатство, монастырь и множество церквей – большинство из дерева, и лишь немногие крытые деревом, но сложенные из камня. Главной достопримечательностью многих городов, включая Труа, был замок светского правителя. Повсюду не было недостатка в пустынных землях: болотистые территории по берегам рек, невозделанные луга. Большинство городов занимали территорию от сорока гектаров до квадратного километра, насчитывая от двух-трех до десяти-двадцати тысяч жителей. Кое-где, в том числе и в Труа, были прорыты искусственные каналы, а на реках устроены системы шлюзов. Во многих были выстроены деревянные мосты на каменных опорах, а в Лондоне даже настоящий каменный арочный мост. Последний, конечно, не мог бы сравниться по красоте и качеству с творениями древних римлян, и все же лондонский мост, с его аркадой на девятнадцать арок, покоящихся на могучих разновеликих опорах, застроенный по обеим сторонам лавками и жилыми домами, на протяжении шести столетий неизменно поражал воображение туристов. Дома, выстроенные на мостах, мало способствовали улучшению дорожной обстановки, но пользовались большим спросом, поскольку предоставляли невиданно, по средневековым меркам, удобный доступ к воде и быстрый способ избавления от нечистот.

Но вопреки несомненному прогрессу западные города по-прежнему значительно отставали от итальянских. В XII веке целые флоты гребных галер из Венеции, Генуи, Пизы и других итальянских морских городов доставляли бесценные индийские специи по всему Восточному Средиземноморью. Посланцы этих городов основывали колонии по берегам Черного моря; сражались и торговали с мусульманами из Египта и Северной Африки; поддерживали крестоносцев, получая взамен необходимые привилегии; атаковали сарацин в их собственных владениях и отбивали у них острова и порты. Именно на средства, добытые мародерством, были возведены многие из суровых башен, которые заполнили итальянские города: их задачей было защитить богатых и вздорных местных жителей от их не более миролюбивых соседей. В Пизе деньги, вырученные разбоем, были вложены в возведение огромной башни – колокольни для нового собора; к сожалению, конструкция этого монумента оказалась не совсем продуманной. Венеция, используя тот же источник финансирования, увенчала свой собор Святого Марка массивным куполом, а также построила множество других церквей и публичных зданий. Одно из них, малоценное с эстетической точки зрения, имело огромное практическое значение: комплекс венецианского Арсенала, расположившийся на тридцати двух гектарах земли, включал склады лесоматериала, доки, судостроительные верфи, всевозможные мастерские и склады; такие масштабы позволяли строить и ремонтировать здесь двадцать четыре боевые галеры одновременно.

В то время как Венеция сконцентрировала в своих руках военно-морскую мощь, которой завидовали короли, удаленный от моря Милан явил убедительную демонстрацию, насколько могучее сухопутное войско под силу собрать городу. Во главе так называемой Ломбардской лиги миланцы дерзко выступили против своего сеньора – императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы, знатно потрепав его германскую армию в битве при Леньяно и утвердив свободный статус города. К тому времени (1176 год) Венеция, прежде подчиненная греческому Константинополю, была столь же суверенна, как любой император или папа римский. Тем же статусом, во всех смыслах, могли похвастать и многие другие итальянские города, включая Геную, Пизу, Флоренцию, Пьяченцу, Сиену. Предводительствуемые богатыми купцами, итальянские города хоть и страдали от регулярных междоусобиц, масштаб которых варьировался от передела власти представителями знатнейших фамилий до обострения кон-

фликов между социальными классами, но все же именно здесь зародилось явление, которое жаждали пересадить на свою почву жители городов северо-запада.

Явление это называлось «коммуна» и подразумевало скрепленный клятвенным обещанием сотрудничать союз городских предпринимателей. Итальянская знать жила в городах, и многие из ее представителей вели торговые и финансовые сделки, принадлежа к коммунам. Но даже в Италии коммуны были прежде всего организацией городского сословия; в северо-западной же Европе запрет на вступление в коммуны представителей аристократии и священнослужителей даже был особо оговорен. Торговцы тканями и сеном, изготовители шлемов, продавцы вина – всякого рода городские торговцы и ремесленники объединялись в союзы, позволявшие им отстаивать свои права перед лицом светского или церковного правителя. Просвещенные князья, вроде Тибо Великого и Людовика VII, поощряли коммуны, сознавая их благотворное влияние на развитие города, а следовательно, и на личный доход его правителя. Налог с преуспевающего купца превосходил стоимость всего имущества голодающего подневольного бедняка. Тем не менее были и яростные противники коммун, преимущественно среди представителей церкви, которые видели в них – и вполне справедливо – угрозу существующему общественному порядку. Один кардинал² обвинял их в подстрекательстве к ереси и войне против духовенства и называл рассадником скептицизма. Один аббат³ писал с горечью: «Коммуна! Новое, гнусное слово! Она освобождает людей от любых уз и оков в обмен на простой ежегодный налог; они больше не несут наказания за нарушение закона серьезнее предписанной пени, они больше не платят иных податей, которые взимаются с сервов».

Лишь принадлежность к этому независимому образованию внутри города автоматически позволяла избежать таких традиционных повинностей, как труд в пользу феодала, ремонт его замка, а также снабжение его полей овечьим пометом для удобрения. Благодаря упомянутому аббатом «простому ежегодному налогу» горожане обретали свободу от уплаты множества других податей.

У епископов, живущих бок о бок с горожанами и наблюдающих растущую дерзость коммунаров, прежде покорных и угодливых наравне с прочими «сервами», часто было немало резонов испытывать недовольство – как духовного, так и вполне практического свойства. Король Франции утвердил право на существование коммуны, образованной горожанами Реймса, живущими в пределах стен старого *cite*. К ним присоединились и обитатели епископских земель за пределами *cite*. Епископ, не намеренный отказываться от своих феодальных прав, выразил энергичный протест. Но в конце концов ему пришлось уступить и согласиться на компенсацию в виде ежегодной денежной выплаты от неверных горожан. Епископы и аббаты не более светских господ стеснялись задействовать темницы и пыточные устройства, решая споры с подвластными людьми, да к тому же всегда могли рассчитывать на покровительство папы римского. В весьма крепких выражениях Иннокентий II призвал короля Франции разрушить «преступный союз, образованный гражданами Реймса, который они зовут „коммуной“». Иннокентий III отлучил от церкви жителей Сен-Омера, посмеявшихся вступить в конфликт с местным аббатством.

В Труа обошлось без конфликта между горожанами и церковью, возможно, потому, что к XII веку графы Шампани полностью искоренили авторитет епископа, о чем можно сделать вывод, изучив историю местных денег. В каролингские времена епископ Труа чеканил собственную монету. В начале XII века на аверсе местной монеты появилась монограмма графа Тибо (*TEBO*), на реверсе же – епископская надпись с именем святого Петра (*BEATUS PETRUS*). На монетах конца XII века красовалось лишь одно имя – преемника Тибо Генриха Щедрого.

Несмотря на противодействие папы и епископов, коммуны появлялись повсеместно по всей Западной Европе. Это поветрие не обошло даже деревни, также желавшие купить себе коллективную свободу от старинных феодальных повинностей. Часто новообретенные свободы закреплялись в хартиях, которые коммуна в дальнейшем бережно хранила. Людовик VII,

а с ним и другие просвещенные правители основывали новые города, которые так и назывались – «новый город»: Вильнев, Вилланова, Нойштадт⁶, сразу же даруя им хартию – все эти названия переводятся как «новый город». для привлечения поселенцев. Хартия, дарованная городку Лоррис, расположенному в долине Луары, послужила образцом для сотни других французских городов, а хартия Бретёя в Нормандии – для многих английских. Фламандские города уже в XI веке копировали хартию Сен-Омера. Для реакционеров слово «хартия» стало столь же ненавистным, как и слово «коммуна»...

Занятно, что Труа, равно как и его собратья по Шампанским ярмаркам, обрел хартию позже других. Произошло это не вопреки, а скорее благодаря прогрессивным взглядам шампанских графов. Горячее стремление последних покровительствовать ярмаркам и всячески способствовать их процветанию привело к тому, что местные жители и так наслаждались привилегиями, значительно превосходящими те, что другие города приобретали благодаря коммуне. Тем не менее в 1230 году Труа получил хартию, которая затем была распространена на некоторые другие города Шампани, к тому моменту еще не имевшие собственных.

Сувереном, одарившим Труа хартией, был Тибо IV, за свой талант стихотворца заслуживший щегольское прозвание Тибо Трубадур. Прежде чем он унаследовал Королевство Наварра (после чего стал подписываться как «Тибо, король Наварры и Шампани»), Тибо уже владел обширными территориями, хотя и подчиненными семи сеньорам: королю Франции, императору Германии, архиепископу Сансскому и Реймсскому, епископам Парижа и Лангра, а также герцогу Бургундскому. Для административных нужд вся территория Шампани была поделена на двадцать семь кастелянств, к каждому из которых принадлежали несколько баронов и некоторое количество рыцарей, обязанных нести военную службу, – в общей сложности более двух тысяч человек. (Не считая нескольких сотен рыцарей Шампани, состоящих на военной службе у кого-то другого.)

С пеней, штрафов и неустоек, присужденных к уплате на всех его территориях, Тибо получал прибыль (лишь священнослужители были освобождены от материальных взысканий за тяжкие преступления); также его казна пополнялась благодаря многочисленным налогам и пошлинам, неодинаковым в разных местах, – таких как монополия на мукомольные мельницы и пекарные печи или плата, взимаемая с вдов благородного сословия взамен на разрешение вступить в повторный брак. Но куда значительно больше доход, который приносили города, особенно Труа и Провен. Через несколько лет после смерти Тибо в 1253 году комиссия, состоящая из граждан местных городов, составила перечень графской собственности и привилегий под названием *Extenta terre comitatus Campanie et Brie*⁷. Несколько выдержек из раздела, посвященного Труа, проливают свет на природу графских доходов:

Во владении графа ярмарка Святого Жана... оценена в 1000 ливров, вдобавок к тому бенефиции хозяина ярмарки 13 ливров.

В его же владении ярмарки Святого Реми, называемые Холодной ярмаркой... оценены в 700 ливров...

Во владении графа также дом немецких купцов на улице Понс... 400 ливров в год за вычетом расходов...

Во владении графа также мясные лавки на улице Тамплъ и улице Муайен... половину вносят в День святого Реми, половину в день Введения Христа во храм. Все тяжбы, возникающие касательно мясных лавок, также графу подсудны.

Во владении графа также дом сапожников...

⁶ Соответственно *Villeneuve* (фр.), *Villanova* (ит.), *Neustadt* (нем.)

⁷ Независимый земельный округ Кампани и Бри (фр.).

Граф и Николя из Бар-ле-Дюк владеют неделимыми долями в доме позади жилья прово-ста, что включает 18 комнат больших и малых... нанят в аренду за 125 су, от которых половина положена названному Николя...

Граф и названный Николя владеют неделимыми долями в семнадцати лавках булочников и рыбников... ныне нанятыми за 18 ливров и 18 су.

Он владеет торговыми залами Шалона... 25 с. стоит у Святого Жана и 25 с. у Сен-Реми...

Тот факт, что Тибо Трубадур был вечно в долгах и однажды ему даже случилось заложить Труа, лишь подтверждает известную мудрость о принципах: чем больше денег они имеют, тем больше тратят. Но вопреки этой своей слабости Тибо продолжил семейную традицию покровительствовать ярмаркам. При его правлении доходы достигли рекордных высот.

В дни работы Жаркой ярмарки (Святого Жана) и Холодной ярмарки (Святого Реми) Труа превращался в один из крупнейших и уж точно один из богатейших городов Европы. В прочее время население Труа сокращалось, оставаясь тем не менее весьма значительным. В городе постоянно проживали⁸ десять тысяч человек, и лишь считанные города Северной Европы могли похвастать большей населенностью: население Парижа составляло около 50 000 человек, Гента 40 000, Лондона, Лилля и Руана 25 000 человек. Среди многих других городов Северной Европы, по размерам сопоставимых с Труа, были Сен-Омер, Страсбург, Кёльн и Норк. Крупнейшими городами густонаселенной Южной Европы были Венеция с ее 100 000 граждан, Генуя и Милан, где проживали от 50 000 до 100 000, Болонья и Палермо с их 50 000 населения, а также Флоренция, Неаполь, Марсель и Тулуза, где обитали около 25 000 человек. Сравнимы размерами с Труа были Барселона, Севилья, Монпелье и многие итальянские города.

Продолжая рассуждать о демографии, следует отметить, что все население Северной Европы к середине XIII века составляло всего лишь около 60 миллионов человек и распределялось оно совсем иначе, чем в более поздние времена. Во Франции на территориях королевского домена и феодальных владений, не считая восточных территорий, которые стали французскими позже, проживала треть общей популяции Европы, что-то около 22 миллионов человек. Германия, которой принадлежала значительная часть современной Франции и Польши, насчитывала примерно 12 миллионов человек. В Италии проживало около 10-ти, в Испании и Португалии – 7 миллионов. Население Нидерландов насчитывало около 4 миллионов, примерно столько же проживало в Англии и Уэльсе; в Ирландии – менее миллиона, а в Шотландии и Швейцарии – не более чем по полмиллиона человек.

Эти цифры, хотя они, конечно, не сравнятся с соответствующими показателями времен Промышленной революции, демонстрируют гигантский подъем по сравнению с римским временем и эпохой раннего Средневековья. В сущности, Северо-Западная Европа явила всевозможные примеры роста и развития. Так закладывались будущие тенденции.

В 1250 году, которому посвящено наше повествование, Людовик IX по прозванию Святой правил Францией – обширным и разрозненным королевством. Королевский домен, где он устанавливал законы и собирал подати, включал в себя четверть от территории всей страны; оставшаяся часть была поделена на владения пары десятков герцогов и прелатов и сотен мелкопоместных баронов, беспрестанно ссорившихся друг с другом. Увлеченный науками Фридрих II Чудо Мира последний год правил Священной Римской империей и Королевством Сицилия. Генрих III, занимавший английский трон, наслаждался своим лишенным свершений правлением, несмотря на то что потеря древних земель Плантагенетов во Франции значительно уменьшила размер его владений и могущество по сравнению с предшественниками. Папскую

⁸ Все цифры приблизительны. Представление о размере населения средневекового города сформулированы на основании базовых цифр, таких как количество домашних хозяйств в списке сборщика налогов, количество мужчин, записанных в армию или во флот, количество представителей ключевых профессий (таких как нотариус) и т. д., увеличенное на предположительное число нигде не зафиксированных родственников каждого из них.

тиару носил Иннокентий IV – Риму удалось вернуть себе толику могущества ушедшей языческой эпохи. В Испании христианские королевства неустанно теснили мавров, в то время как на противоположном краю Европы монголы, недавно установившие контроль над русскими землями, совершали набеги в Венгрию и Богемию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.